СОДЕРЖАНИЕ

Пролог. Маки 9

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. КОЛЛАПС

Глава 1. Более совершенное разжижение 15
Глава 2. Личные границы и общественный интерес 37
Глава 3. Лента 66

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. ТРАГЕДИЯ ОБЩЕНИЯ

Глава 4. Говори быстро, думай быстро 107
Глава 5. Антипатии 134
Глава 6. Заблуждение демократизации 153

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. ОПОСРЕДОВАННОСТЬ ВО ВСЕМ

Глава 7. Смещенное «я» 199
Глава 8. Машины, которые говорят 231
Глава 9. Реальность без реальности 263
Глава 10. Камень доктора Джонсона 283

Благодарности 296
Примечания 298

Общество не только воспроизводится благодаря процессу передачи опыта при общении, можно даже сказать, что само его существование протекает посредством этого процесса.*

Джон Дьюи

*И мы не можем, особенно подходя к современной эпохе, ничего понять правильно, если не понимаем, как революция в коммуникации создала для нас новый мир**.*

Чарльз Хортон Кули

*Налей мне еще один телефон***.*

Дэвид Боуи

---

* Пер. Ю. И. Турчаниновой, Э. Н. Гусинского, Н. Н. Михайлова. — *Прим. пер.*

** Пер. В. Г. Николаева. — *Прим. пер.*

*** Строка из первого куплета песни “Drive-In Saturday”. — *Прим. пер.*

ПРОЛОГ

Маки

Маки в каньоне Уокер — хрупкой экосистеме в горах Темаскаль в 120 км к юго-востоку от Лос-Анджелеса — зацветают в марте каждый год, но весной 2019-го они превзошли себя. Из-за нетипично сырой для этих засушливых мест зимы пошло в рост все годами пребывавшее в спячке, так что образовалось целое море маков, подобного которому здесь не видели уже давно. Цветы покрывали склоны пламенеющими, почти флюоресцирующими оранжевыми коврами — такого оттенка бывают жилеты и кепки охотников. Весть об этом так называемом суперцветении распространилась в социальных сетях практически мгновенно.

Раньше всех на место прибыли инфлюенсеры. Первого марта свой фотопортрет в море цветов выложила Джейси Мари Смит — фотогеничная двадцатичетырехлетняя жительница Аризоны с четырьмя сотнями тысяч подписчиков в инстаграме* и популярным лайфстайл-влогом на ютьюбе. Оранжевый комбинезон, оранжевый пуловер, кремовая шерстяная шляпа-

---

* Принадлежит Meta Platforms Inc., деятельность которой запрещена в Российской Федерации как экстремистская. — *Здесь и далее примечания редактора, если не указано иное.*

федора, цветок в зубах. «Мир не подстроится под тебя, пока ты подстраиваешься под него», — гласила подпись. Публикация собрала десятки тысяч лайков. Столько же собрала и следующая — там Джейси держала в руках букет свежесорванных маков, а подпись рекламировала ее накладные ногти. «Неоново-розовые для разнообразия!» — и ссылка на магазин.

Популярность хештега #суперцветение (#superbloom) начала расти (за следующие пару недель он появился в инстаграме* сто тысяч раз), и в каньон Уокер рекой потекли менее известные любители делать селфи. Шоссе и местные дороги оказались забиты машинами. Полиция выбивалась из сил, пытаясь навести порядок. В соседнем городке Лейк-Эльсинор объявили чрезвычайное положение. Многие приезжие сходили в поисках идеального кадра с размеченных троп и топтали нежные цветы; некоторые, по примеру Джейси, рвали маки охапками. После того как патрульного полицейского сбила машина, власти Лейк-Эльсинора закрыли парковку перед пешей тропой в каньон в надежде хотя бы так сдержать наплыв посетителей. На следующий день приказ пришлось отменить: люди начали парковаться как попало вдоль подъездных дорог и продираться сквозь заросли на склонах с телефонами в руках. В СМИ это нашествие назвали «макогеддон».

Ответная реакция не заставила себя ждать, и она была беспощадной. Поначалу в комментариях к постам с тегом #суперцветение царили восторги и умиление — «Боже, какая прелесть!», «Сказка!», «Обожаю!», снабженные всеми мыслимыми и немыслимыми вариантами сердечек, — но по мере распространения новостей о варварстве инстаграмщиков тон комментаторов постепенно суровел. «Хватит губить цветы ради своих себялюбивых себяшечек», — выражал общее мнение один пользователь. «Сдохни, эгоистичная тварь», — вторил другой. Под постами

---

* Принадлежит Meta Platforms Inc., деятельность которой запрещена в Российской Федерации как экстремистская.

с маками ставили, как печать позора, оскорбительные хештеги #мерзавец, #кактебяземляносит и #губительцветов. Инфлюенсеры, почувствовав, что их так тщательно наводимый глянец вот-вот облупится, а лучезарный ореол померкнет, бросились редактировать свои публикации, дописывая извинения и оправдания. Кое-кто вообще удалил фото. Буквально за интернет-мгновение некое подобие упоения превратилось в некое подобие покаяния.

Разыгравшийся на маковом поле и в миллионах лент соцсетей скандал в каньоне Уокер, как в капле воды, отразил всю суть нашей безумной, комической, насквозь пропитанной информацией эпохи. Тут и торжество совместного первооткрывательства, и токсичность массовой травли. И демократизация медиапроизводства, из-за которой любой пользователь может создавать контент и конкурировать за символические аплодисменты, выражаемые лайками. И лапидарный иероглифический язык хештегов, эмодзи и восклицательных знаков. И инфлюенсеры, стирающие грань между бизнесом и задушевной беседой. И подписчики — ликующая толпа на этом параде коллективной мимикрии. И тролли с их жесткими, часто мизогинными провокациями. И добровольные блюстители порядка, готовые поставить к позорному столбу любого отклонившегося от предписанных норм поведения и высказывания. И в первую очередь обитатели своих смартфонов — люди, не способные отлипнуть от экрана и потому слепые к происходящему вокруг и глухие к голосу разума.

А еще этот скандал подарил нам метафору. Мы живем сейчас в состоянии непрерывного суперцветения — только не маков, а сообщений. Наши телефоны превратили нас в живые приемопередатчики — узлы коммуникационной сети беспрецедентного масштаба и скорости работы. Чем бы мы ни занимались, мы все время принимаем и отправляем сигналы, многие из которых мы осознаём (слова, картинки, звуки), а какие-то нет (данные о нашем местонахождении, поведении, настрое-

нии). Когда-то мы впервые подключались к этой сети в радостном возбуждении и с самыми радужными надеждами. Это ведь так здорово — когда тебя окружает столько интересной информации и столько людей; конечно же, все эти связи раздвинут наши горизонты и расширят наш круг сопереживания, а мир в целом станет лучше и добрее. Больше общения — больше понимания!

Не получилось. Возбуждение, быть может, никуда не делось — если инстаграм* не греет, то уж тикток взбодрит, а если и в тиктоке тухловато, есть дискорд, BeReal или что там дальше, — но радужные надежды сменились мрачными пророчествами. Мы сталкиваемся с валом непредвиденных последствий — со всеми общественными проблемами, проявившимися в каньоне Уокер, и со многими другими, более тяжелыми, — и, как власти Лейк-Эльсинора, мучаемся от неспособности с ними справиться. Дни напролет мы делимся информацией, мы постоянно на связи, вовлеченные как никогда, но чем больше мы общаемся, тем, кажется, нам хуже. Маки такие роскошные, такие яркие, такие завораживающие. И они же — пошлые, всепроникающие, одурманивающие.

---

* Принадлежит Meta Platforms Inc., деятельность которой запрещена в Российской Федерации как экстремистская.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Коллапс

Сюда сейчас идут первопроходцы
и пилят лес, а более крушат.
Взамен живых деревьев ставят бревна
и прочный провод вешают любовно.*
Роберт Фрост

* Пер. В. М. Кормана. — *Прим. пер.*

ГЛАВА 1

Более совершенное разжижение

Неожиданный провожатый

Трудно представить человека, менее подходящего для соцсетей с их трепом и стебом, чем Чарльз Хортон Кули. Рожденный в 1864 г. в чопорной семье из высшего общества американского Среднего Запада — его отец был выдающимся юристом, Кули рос замкнутым болезненным ребенком, страдающим от неясных, но мучительных расстройств пищеварения. Каждый поход в туалет был пыткой. «Иногда мне кажется, что мне одна дорога — в монастырь», — писал он в дневнике. В обществе других людей, продолжал Кули, «я словно сослан прочь от самого себя»[1]. Таким же нелюдимым он остался и когда вырос. Этот профессор Мичиганского университета, изначально занимавшийся экономическими науками, а затем стоявший у истоков социологического факультета, редко сотрудничал с коллегами и не общался почти ни с кем за пределами узкого круга родных и друзей. Почти все время Кули проводил в одиночестве в своем кабинете в Анн-Арборе: читал и размышлял, иногда удаляясь

в уединенную хижину, которую он соорудил в лесу на берегу озера в северной части Мичигана. «Современному американцу нечасто удается, — вспоминал один из родственников Кули после его кончины в 1929 г., — прожить жизнь настолько в стороне от трудностей нашего времени»[2].

Несмотря на свою монашескую замкнутость, Кули самобытно и хирургически точно рассуждал о тонкостях общественных отношений. Все то, с чем ему было так трудно иметь дело в реальности, он благополучно осваивал в тишине и покое собственного разума. В своих трудах, написанных, когда социология еще только вызревала как наука, изо всех сил пытаясь отделиться от экономики и политологии, Кули отвергал принятое тогда представление об обществе как о собрании индивидов, преследующих (конкурируя или сотрудничая) собственные интересы. На его взгляд, ближе к истине было диаметрально противоположное. Общество формирует личность в большей степени, чем личность — общество. «Личность и общество — это две стороны одной медали, — писал он, — и отдельное независимое "я" — это не более чем иллюзия»[3]. Он был убежден в существовании «общественного сознания» — целого, превышающего сумму своих составляющих, — и приходил к выводу, что работу этого коллективного разума определяет способ обмена информацией в обществе. Кули, собственно, и ввел термин *social media* («социальные среды») — в примечательной статье под названием «Процесс социального изменения» (The Process of Social Change)[4], напечатанной в 1897 г. в престижном журнале *Political Science Quarterly*.

Поначалу Кули словно прощупывает почву: первые несколько страниц он пытается разобраться, способна ли объяснить механизмы развития общества «дарвиновская идея изменения посредством выживания»*. Он делает ряд замечаний по поводу «расовых элементов» и «нездоровых влия-

---

* Здесь и далее пер. В. Г. Николаева. — *Прим. пер.*

ний», которые сейчас выглядят в лучшем случае необдуманными, а в худшем — отталкивающими. Однако затем направление его мысли резко меняется: Кули отвергает естественный отбор и наследственность как факторы социального изменения, поскольку они действуют слишком медленно и бессистемно. По-настоящему значимым фактором он считает коммуникацию. Коль скоро человек — «симпатическое, коммуницирующее животное», меняющее свое отношение и поведение в ответ на социальные сигналы, от того, как мы коммуницируем, в значительной степени зависит наш образ мысли и действия. Когда меняются «механизмы коммуникации», меняется и общество. И меняется оно тем быстрее, чем быстрее меняются эти механизмы:

> Две вещи — человеческая природа и механизм коммуникации — всегда должны сотрудничать. Первая является относительно постоянным фактором, второй же в высокой степени изменчив и именно потому особенно интересен и важен. Его вариации обычно шли в сторону большей эффективности, и во многом благодаря этому история двух минувших тысячелетий является летописью быстрого и все ускоряющегося социального изменения.

Выведя на первый план средства, а не содержание коммуникации, Кули предвосхитил работы прославленных теоретиков медиа второй половины XX в. — Гарольда Инниса, Маршалла Маклюэна и Нила Постмана, которых сейчас считают основоположниками современной теории коммуникации. Кули, как и они, был медиаэкологом. Он осознавал, что коммуникационные технологии — это не просто инструменты, которыми люди пользуются, чтобы передавать голос и мысли на дальние расстояния. Каждое новое средство передачи создает новую среду. И, по мере того как мы приспосабливаемся к этой среде, она формирует наше восприятие и мышление, наши отноше-

ния с окружающими и даже наше самоощущение. Как отмечает профессор Джон Дарем Питерс, автором ключевых слов в статье Кули — «социальные влияния действуют через некоторый механизм, и характер их действия зависит от характера этого механизма» — мог бы быть Маклюэн. Они очень похожи по смыслу на знаменитый постулат Маклюэна *the medium is the message*, «средство коммуникации есть сообщение»*. Оба они понимали: то, как мы коммуницируем, даже важнее, чем то, что мы передаем в ходе коммуникации. Оба считали технологию коммуникации «двигателем истории», как сформулировал это Питерс[5].

Однако Кули расставлял акценты несколько иначе, чем Маклюэн. Последнего интересовало в первую очередь то, как коммуникационные технологии формируют индивидуальное сознание, меняя характер чувственного опыта и модели восприятия. Кули же волновало, как эти же технологии определяют общественное сознание, меняя общую картину того, как распространяются влияния и самоорганизуются люди. Средство коммуникации, по мнению Кули, не просто проводник для неких сведений. Это инструмент для регулирования группового поведения и представлений членов группы. Посредством своих медиа общество продвигает ценности и устанавливает нормы, раздает пряники и щелкает кнутом, предлагает образцы поведения и ролевые модели, мотивирует и координирует действия, выстраивает иерархии и другие структуры власти и статуса. Да, человеческая природа по большому счету неизменна, но поведение всегда поддается влиянию общества. «Самоорганизация не может изменить природу, но обычно контролирует поведение», — отмечает Кули. А самоорганизацией, в свою очередь, управляет коммуникация.

---

* Пер. В. Г. Николаева. — *Прим. пер.*

Сферы влияния

Древние люди коммуницировали телесно — мимикой, жестами, рычанием и мычанием. Появившийся наконец язык (около 200 000 лет назад, по наиболее надежным на сегодняшний день данным) сильно расширил охват и точность коммуникации. Теперь людям удавалось сказать больше, большим поделиться, больше узнать. Однако речь по-прежнему была невозможна без тела. Как и первобытное рычание и мычание, слова произносились ртом говорящего и напрямую принимались ухом слушающего. Наши предки могли коммуницировать только с теми, кто находился рядом — в пределах слышимости или видимости. Идеи вполне могли перемещаться во времени и пространстве за счет передачи от одного говорящего к другому и далее по цепочке, но такая устная передача очень ненадежна. Она медленная, она легко обрывается, она чревата ошибками, когда кого-то подводит слух или память. Любой хоть раз игравший в «испорченный телефон» помнит, как быстро искажается информация, передаваемая по цепочке.

Только после изобретения письма — всего каких-нибудь несколько тысяч лет назад — речь освободилась от привязки к органам речи и слуха и стала пригодной для передачи с помощью технических средств. Нацарапанные на папирусе или бумаге слова преодолевали пространство и время неизменными (или почти неизменными). Если слово сказанное «погибает мгновенно, не оставив следа», как отмечал английский писатель и критик Сэмюэл Батлер в своей лекции 1895 г., то слово написанное «раздвигает в бесконечность область пространства и времени, в пределах которой один разум способен взаимодействовать с другим». Письменность дарит мыслям и наблюдениям пишущего «жизнь, продолжительность которой определяется лишь долговечностью чернил, бумаги и читательской аудитории, а не тела из плоти и крови»[6]. Связывая речь с изготовлением орудий, а затем и с торговлей — то есть делая ее *тех-*

нологичной, — письменность также гарантировала непрерывный и постоянно ускорявшийся рост эффективности коммуникации. Учитывая свойственную человеку изобретательность, можно было не сомневаться, что вслед за письменностью появятся книги, печатный станок, газеты, телеграф, факсовые аппараты и компьютерные сети. А жажда денег и престижа гарантировала отчаянную конкуренцию в сфере изобретения и совершенствования этих орудий.

Любое средство коммуникации имеет политическую функцию: это не только проводник мысли, но и проводник власти. Расширяя пространственно-временные границы для речи, письменность расширяла и пределы личного и институционального влияния. Письменное слово было потенциально способно определять мышление и поведение гораздо большего числа людей (причем в масштабах целого мира и целых грядущих эпох), чем какое-либо устное. Это расширение сфер влияния имело далеко идущие социальные последствия. Оно обеспечивало центральным властям — церквям, правительствам, тиранам — больше рычагов контроля. Теперь они могли изъявлять свою волю посредством законов, догматов и указов, а также оберегать свою власть, не допуская посторонних к системам коммуникации. Инструменты коммуникации одновременно служили орудиями владычества[7].

Однако, расширяя сферы влияния, письменность проявляла и еще одно — уравновешивающее предыдущее — свойство. По крайней мере, тем, кто умел читать, она обеспечивала гораздо больше шансов ознакомиться с мыслями других людей. Как только благодаря печатному станку книги стали обыденностью, каждый грамотный человек получил возможность, как пишет Кули, «формировать собственную среду, удерживая из всего многообразия материалов то, что ему подходит, и открывая коммуникацию с близкими по духу умами отдаленных времен и мест». Освободив читателя от привязки к физическому местоположению и конкретной социальной

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru